

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-108-115

ВОСПРИЯТИЕ КАК ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ В РОМАНАХ М. П. ШИШКИНА «ЗАПИСКИ ЛАРИОНОВА» И «ПИСЬМОВНИК»

Савельев Г. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обнаружить модернистские принципы построения текста в современной русской литературе, а именно в обнаружении тенденции к использованию образов восприятия как основы повествования вместо динамического событийного ряда.

Процедура и методы. В работе рассмотрена повествовательная организация романов «Записки Ларионова» («Всех ожидает одна ночь», 1993) и «Письмовник» (2010) М. П. Шишкина. Качество повествовательных приёмов Шишкина соотносится с положениями теории романа начала XX в. (Х. Ортега-и-Гассет, В. В. Вейдле), постулирующей качественное изменение характера повествования в литературе XX в. (сюжет как последовательность действий уступает место последовательности субъективных картин восприятия). Анализируются синтаксические конструкции и средства художественной выразительности романов Шишкина.

Результаты. В ходе литературоведческого анализа романов М. П. Шишкина выявлена значительная роль образов восприятия как компонентов, замещающих динамическое действие и организующих повествование. Показано, как восприятие литературного героя проявляется в синтаксисе текста (преобладание номинативных предложений и простых предложений с предикатом, выражающим свойства субъекта) и характере средств художественной выразительности (метафоры и сравнения, создающие предельно субъективный образ восприятия).

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена разработкой теоретической проблемы изменения характера повествования в литературе XX–XXI вв., а также установлением типологической связи между произведениями начала XX в. и конца XX – начала XXI вв., развивающими единую повествовательную тенденцию.

Ключевые слова: действие, жанр романа, образ восприятия, перцепция, повествовательная структура

PERCEPTION AS A NARRATIVE CATEGORY IN MIKHAIL SHISHKIN'S LARIONOV'S REMINISCENCES AND PISMOVNIK

G. Savelyev

M. V. Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to identify modernist principles of composing a text in modern Russian literature or, to be exact, to identify a tendency for a narrative to be based on perception rather than actions.

Methodology. The research investigates narrative structures of Mikhail Shishkin's *Larionov's Reminiscences* (*One Night Befalls Us All*, 1993) and *Pismovnik* (2010). The quality of these structures correlates with theoretical ideas of José Ortega y Gasset and Vladimir Weidle who postulated the crucial change in the quality of an early 20th century literature narrative (they claimed that a traditional plot was replaced with a sequence of subjective perceptual images). It also investigates syntax and tropes of Shishkin's novels.

Results. The results of the study are the identification of perceptual images replacing traditional actions in Shishkin's novels. It is shown that the character's perception influences the syntax (nominal sentences and simple sentences with a predicate describing a subject's quality predominate) and tropes (metaphors and similes make highly subjective perceptual image) of novels.

Research implications. The research results contribute to the theory of a narrative change in the 20th and 21st century literature.

Keywords: action, novel genre, image of perception, perception, narrative structure

Введение

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в работе 1930 г. «Мысли о романе» констатировал изменение характера повествовательной прозы, произошедшее в литературе первых десятилетий XX в. Ортега-и-Гассет писал, что роман утратил способность увлечь читателя одним лишь сюжетом как динамической последовательностью действий, событий. Вследствие этого «из жанра повествовательного, косвенного роман делается жанром описательным, прямым» [8, с. 264]. Поясним это положение: по мысли Ортега-и-Гассета, развитие сюжета, причинно-следственная связь событий в романе уступают место воспроизведению образа мира, *воспринимаемого* повествователем. Подобную мысль высказывал критик русской эмиграции В. В. Вейдле. Характеризуя творчество писателей-модернистов (М. Пруста, Дж. Джойса, А. Белого и др.), Вейдле писал: «...романист всё ещё хочет изображать мир, но он делает это, непрестанно подчёркивая, что мир воспринимает именно он, или его герой, или несколько его героев» [2, с. 16]. Сконцентрированность повествования на субъективном восприятии мироздания – так два исследователя определяли отличное качество романа начала XX в.

Подобная характеристика была объективно применима к прозаическому творчеству русских писателей-неореалистов начала XX в. (И. Бунина, И. Шмелёва, Б. Зайцева и др.). Об этом течении русской литературы писала У. К. Абишева: «Неореализм начала XX века отходит от эпического охвата действительности» [1, с. 30]. Объективное изображение мира, по мысли исследователя, сменяется «лирической стихией и преобладанием субъектив-

но-личностного мироощущения (курсив наш. – Г. С.)» [1, с. 30]. Н. М. Солнцева характеризовала неореалистическую традицию повествования (объектом исследования являлось «Лето Господне» (1933–1944) И. Шмелёва) как слияние «лиризма и быта» [7, с. 273], переходящих в «поток образов и впечатлений» [7, с. 273].

Намеченная повествовательная тенденция остаётся продуктивной в современной русской литературе. Подтвердить этот тезис мы можем на материале романов М. П. Шишкина (р. 1961).

Событийность и восприятие в романе «Записки Ларионова»

Повествовательная структура романа «Записки Ларионова» («Всех ожидает одна ночь», 1993) во многом определяется его очевидной связью с традицией мемуарной прозы, для которой характерно «повествование участника или свидетеля общественно-политической, социальной, литературно-художественной жизни о событиях, свидетелем или действующим лицом которых он был...»¹. Напомним, что главный герой романа – дворянин Ларионов – оказывается участником общественной жизни России 1820–30-х гг., в частности становится свидетелем введения военных поселений и протекающих в Казани дискуссий о польском восстании 1830–1831 гг. История в романе показана сквозь призму сознания героя, или – воспользуемся определением Л. Я. Гинзбург – этот герой становится фокусом «преломления огром-

¹ Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А. П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. 283 с.

ного, бесконечно многообразного мира объективной действительности» [3, с. 243].

Отнесённость «Записок Ларионова» к мемуарной традиции определяет фактографичность повествования, последовательное изложение *событий и действий*. Однако самые значимые эпизоды личной жизни главного героя (детство, первая любовь, семейная жизнь) сопровождаются «замедлением» повествования и переориентировкой его на воспроизведение статичных картин мира, образов *восприятия*.

Восприятие в художественном тексте от описания в первую очередь отличает *непосредственность* и естественность этого психического процесса – качества, которые отражаются в самой повествовательной ткани. Наличие описания всегда вызвано «желанием» повествователя изобразить нечто – однако повествователь не может «хотеть» воспринимать, т. к. процесс этот протекает помимо его воли. Описание образует новую структурную единицу текста, переход к которой, как правило, маркирован определёнными синтаксическими или лексико-грамматическими конструкциями¹, тогда как восприятие – это органичная часть непрерывно протекающего повествования. Наконец, описание «подготовлено» предшествующими событиями текста. Так, если герои романа В. Набокова оказываются на террасе тюремной башни, с которой «открывался вид на расстояние, дух захватывающее»², то за этим логиче-

ски следует описание того, что могли увидеть герои или, вернее, главный герой – Цинциннат. Напротив, восприятие в тексте всегда «внезапно», никак не продиктовано логикой предшествующих действий.

Вглядимся пристальнее в текст «Первой тетради» романа Шишкина. «Помню, что от тёпкиных рук всегда разило смесью духов с табачищем, а когда она входила с мороза, табак капал из носа в виде густо окрашенной влаги»³ – этот фрагмент появляется в тексте как бы «случайно», ничего не проясняя в развивавшемся сюжете отношений тётки Елизаветы Петровны с матерью Ларионова. Последовательное изложение *фактов*, действий («Тётка Елизавета Петровна *вмешивалась*⁴ в жизнь нашего дома ..., Елизавета Петровна *настаивала* на том, Моя мать *обещала*...» и т. д.)⁵ завершается совершенно отличной по «лирической тональности» нотой – образом восприятия, опосредованным памятью героя. Объяснить появление такого образа мы можем лишь через механизмы восприятия и памяти: непосредственность и неконтролируемость восприятия соответствует тем же качествам некоторых воспоминаний; образ восприятия в повествовании появляется «внезапно», потому что именно таков принцип действия не «целенаправленной», но «припоминающей» памяти.

Повествование «Записок Ларионова» типологически близко поэтике прозы И. Бунина. Его рассказ «Антоновские яблоки» (1900), в котором, по мысли Ю. В. Мальцева, впервые проявилось «стилевое самосознание писателя» [5, с. 84], состоит из потока картин восприятия, отражённых в памяти повествователя (неслучайно в рассказе часто встречаются глагольные формы: «помню», «вспоминается» и т. д.). Очевидно, для автора «Записок Ларионова» мог оказаться значимым опыт

¹ Приведём пример из романа «Отцы и дети» (1862) И. С. Тургенева: «...заметил Аркадий и *стал глядеть кругом* (курсив наш. – Г. С.). Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля, тянулись вплоть до самого небосклона...». Переход к объективному панорамному описанию местности производится благодаря действию одного из героев, выраженному грамматически (форма совершенного вида прошедшего времени глагола 'стать', указывающая на начало действия), а также семантически (лексическое значение глагола 'глядеть' и наречия 'кругом', указывающего на направление взгляда). Текст романа цит. по: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. Отцы и дети: роман; Повести и рассказы; Дым: роман, 1861–1867. М.: Наука, 1981. С. 15.

² Набоков В. В. Приглашение на казнь // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / сост.

Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. С. 68.

³ Шишкин М. Записки Ларионова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 19.

⁴ Здесь и далее в цитатах из романов М. Шишкина курсив наш – Г. С.

⁵ Шишкин М. Записки Ларионова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 18.

бунинской «поэтики восприятия»: запахи, звуки старой усадьбы, вкусовые ощущения, воспринимаемые сквозь призму памяти, – эти элементы мы находим и в романе Шишкина (ср. приведённый выше отрывок из «Записок Ларионова» с отрывком из рассказа Бунина: «Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок...»¹).

Приведём другой фрагмент из описания детских «вакаций» Ларионова: «Как сейчас чувствую кожей жаркий душный деревенский полдень, а ноздри щекочет резкий плесневелый запах слежавшихся книг»². В приведённом предложении создаётся сложный перцептивный образ, включающий осязательные и ольфакторные детали восприятия (подобно этому в первом приведённом нами примере восприятие запаха сочетается со зрительным образом). Как писал А. В. Леденев, отличительной стилистической характеристикой русской прозы XX в. является «сенсорная отзывчивость образа, его способность “одномоментно” будить в читателе целую палитру ощущений» [4, с. 131]. В этом смысле Михаил Шишкин, очевидно, наследует опыт русской прозы XX в., продолжая «тенденцию поэтизации прозы» [4, с. 132]. Изменение глагольного времени в повествовании (ср. предложение перед приведённым фрагментом: «Даже вакации я *проводил* за чтением»³) указывает на то, что герой будто вторично переживает отрывок своего детства, повествует не с временной дистанции, а как бы «изнутри» – из самого детства.

Подчеркнём, что в романе «Записки Ларионова» субъективный образ мира создаётся не только благодаря перцептивной многомерности, но также при помощи исключительно художественных средств. Повествователь использует метафоры, становящиеся уникальной словесной оболоч-

кой для образов восприятия: «Ударили крепёжные морозы. Дымы поднимались к небу *замёрзшими твёрдыми столбами*»⁴; «В глазах рябило от *глыб халвы*, ... всюду были *пирамиды* засахаренных слив, вишен, груш»⁵; «Гроза уже *перезревала*...»⁶. Ту же функциональную нагрузку несут на себе сравнения: «...при малейшем ветерке с яблонь валило, *как из подушки*...»⁷ – так своё ощущение от увиденных цветущих яблонь повествователь передаёт на словесном уровне.

Мировосприятие героев в романе «Письмовник»

Наиболее близок по типу организации повествования к «Запискам Ларионова» роман «Письмовник» (2010), также актуализирующий классическую жанровую форму – эпистолярного романа. Условная коммуникация героев романа (нарушаемая уже тем, что героиня продолжает отправлять возлюбленному «письма» даже после его смерти) направлена на то, чтобы передать друг другу образ своей жизни, сводимой к триаде: люди, события, восприятие природного мира.

Несомненно, чувство любви героев и наступившая разлука образуют отправную точку повествования. Роман начинается с выстраивания героями образа прошлой жизни: счастливого дачного лета, городских встреч и т. д. Сюжет в этих первых письмах-главах движется хаотично, отдельные эпизоды жизни не объединены линейной последовательностью, но подчинены логике памяти пишущего. Конкретное действие кажется «разреженным»⁸, вместо него образующим текст компонентом выступает образ восприятия повествующего. Так, героиня Саша вспоминает мир прошлого в его

¹ Бунин И. А. Полное собрание рассказов в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. С. 107.

² Шишкин М. Записки Ларионова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 26.

³ Там же.

⁴ Шишкин М. Записки Ларионова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 160.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Там же. С. 278.

⁷ Там же. С. 175.

⁸ Подобная «воздушная» метафора была использована Ортегой-и-Гассетом в его работе, цитированной нами выше: «...роману была уготована судьба атмосферного, воздушного жанра» [8, с. 279].

конкретных визуальных образах: «...наш стол под сиренью, покрытый клеёнкой с бурым треугольником...»¹; «...ты прошёл утром по траве и на солнце будто оставил сверкающую лыжню»²; «Полезли в плёс, ... Вода мутная, солнечная»³ и т. д. Феномен восприятия на синтаксическом уровне передаётся односоставными назывными предложениями («Кареглазые коровы. На тропинке – козьи орешки»⁴) и двусоставными простыми, не осложнёнными причастными или деепричастными оборотами («Лес на закате зубчатый»; «...язык и зубы у нас от черёмухи чёрные»; «И запахи из сада! Такие густые, плотные, прямо взвесью стоят в воздухе»⁵ – в последней цитате назывное восклицательное предложение плавно переходит в двусоставное).

Образы прошлого перцептивно многомерны, воздействуют сразу на несколько сенсорных систем читателя (ср.: «Ты только что из поликлиники, со свежей пломбой в зубе – запах зубного кабинета изо рта. Разрешил не потрогать пломбу пальцем»⁶ – образ, в котором задействованы обоняние и осязание повествователя). Такому же принципу создания образа восприятия автор следует в письмах героя Володи. Герой вспоминает: «Так хорошо было лежать и писать всякую чушь в дневнике, прислушиваясь к шороху дождя по крыше и зудению комаров на веранде»⁷ – повествование в его первых письмах также строится на отсутствии конкретных действий и перенесении внимания на восприятие (в приведённой цитате – именно восприятие звуков). Приведём продолжение отрывка из письма Володи: «Выглянешь в окно – там яблони от тумана безногие. На бельевой верёвке прищепки мокнут, с них каплет»⁸. Звуковая характеристика образа восприятия («шорох дождя» и «зудение комаров») соединяется со

зрительной, при этом зрение героя обеспечивает его способностью масштабировать изображение в памяти (от изображения крупных объектов, таких, как яблони, – к мелким деталям, каплям воды на прищепках). Итак, образ прошлого для обоих героев – это во многом образ того мира, в котором они пребывали или, вернее, который они воспринимали.

Раскрытие духовного потенциала главных героев во многом происходит благодаря их попыткам приблизиться к пониманию внутреннего мира своих родных. Отношения с родителями – одна из центральных тем романа, и на уровне повествования она раскрывается в традиционной манере изложения событий, происшествий. Однако повествование в этих письмах также охарактеризовано стремлением героев передать чувственно воспринимаемый образ мира, воссоздать пространство, в котором происходили значимые для них события, и вновь «войти» в него. Письмо Саши, «темой» которого становится её первая поездка на море, – один из примеров такой повествовательной субъективации образа памяти. Своё восприятие морской стихии она передаёт рядом метафор и сравнений, например: «Выбежала на мостик, а он взорвался от прибоя – и я сразу получила от моря мокрую пощёчину»⁹; «Настил набережной – дощат, от брызг прозрачен, будто дыры в небо, и в досках отражение чаек»¹⁰. Метафора здесь служит средством предельной художественной субъективации образа, сочетаясь с отчётливой зрительной деталью («отражение чаек»). Непосредственность восприятия передают простые предложения, в которых предикат выражает не конкретное действие, но свойства субъекта: «Мол бел»; «Галка раскалена, в прибое шипуча»¹¹. Связка 'быть' используется именно в форме настоящего времени (форма 'есть' в предложении опускается), что приближает повествователя к переживанию мгновений прошлого в «вечном настоящем».

¹ Шишкин М. Письмовник: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 10.

² Там же.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 10–11.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 36–37.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 44–45.

Стиль как реализация мировоззрения

Мы видим, что категория восприятия становится характерной стилистической чертой творчества Шишкина¹. Значимость этого явления заставляет нас задуматься о его генезисе. Очевидно, повествовательная субъективация образа восприятия является сознательной авторской установкой и может считаться реализацией авторского мировоззрения.

Важным положением мировоззренческой системы Шишкина является мысль о слиянии человека с природным миром, субъекта восприятия с объектом. Автор не формулирует, но скорее описывает эту мысль в автобиографическом рассказе «Пальто с хлястиком» (2010)². Повествование в рассказе совершает круговое движение. Начиная с воспоминания об одном из первых детских путешествий – с «мглистых дачных утр 72-го»³, – рассказчик далее перебирает важнейшие события своей жизни: московское школьное детство, знакомство с «Колымскими рассказами» и «Архипелагом ГУЛАГ» в юности, болезнь и смерть матери, замыслы собственных романов и т. д. Однако в конце он возвращается всё к тому же детскому путешествию. Эта сюжетная линия становится главной в рассказе, так как сопровождается описанием акта первого художнического прозрения героя. Выходя ночью в уборную (характерное для текстов Шишкина сочетание тематически «низкого» с «возвышенным»), герой впервые «за-

мечает» протекающую рядом с ним жизнь мироздания и интуитивно постигает глубинную значимость и ценность «видимой», «слышимой», «осязаемой» и «обоняемой» материи. Эта сцена сопровождается единовременным обострением всех чувств повествователя: «Будто у всего мира кругом оказалась моя кожа, продрогшая от августовского утренняя» (осязание)⁴; «...проходил здесь столько раз – и не замечал, а теперь увидел, будто впервые, и этот куст жимолости, и рябину...» (зрение)⁵; «...далёкий гул моторки с реки, лай собак из деревни на том берегу, тревожный крик ночной птицы...» (слух)⁶ и т. д. Восприятие материальной действительности описывается в контексте осознания подлинного смысла бытия и слияния с окружающим миром: «Вдруг ощутил себя не у куста посреди тумана, а посреди мироздания. Да я и был мирозданием. В первый раз я тогда испытал это удивительное чувство. ... Тогда впервые всё замкнулось, стало единым целым»⁷.

Процесс слияния человека с природным миром может быть рассмотрен под другим углом зрения: не как восприятие человеком природы, но как осознание природой своей целостности через человека (ср. в рассказе: «...это не я чувствую, что у леса прелый запах изо рта, а это вселенная принохивается к себе моими ноздрями»⁸). А. Скотница рассматривает героя шишкинского рассказа в качестве «пассивного объекта воздействия трансцендентной силы» [6, с. 83], как бы оспаривая традиционное представление об активном созидательном начале художника-субъекта, вступающего в отношения с природой-объектом. Мысль исследовательницы о том, что герой Шишкина – это «медиум, находящийся “между”, то есть нигде и везде: ... , исчезающий, переливающийся в мир» [6, с. 83], подтверждает наше предположение о значимости отношений «чело-

¹ В практической части нами были рассмотрены два романа писателя из четырёх, однако именно этими произведениями начинается («Записки Ларионова») и завершается («Письмовник») корпус романов Шишкина. Иными словами, автор начинает своё романное творчество с тематической линии восприятия и протягивает её до последнего текста большой формы.

² Герой рассказа, в сущности, замещает личность самого автора. Явные автобиографические детали (школа на Арбате, канадские хоккеисты, болезнь матери и т. д.) позволяют нам рассматривать рассказ не просто как художественный текст, но как комментарий автора к собственной мировоззренческой позиции.

³ Шишкин М. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 10.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 10.

век – мироздание» в мировоззренческой системе писателя – и также о реализации этого мировоззрения в романах «Записки Ларионова» и «Письмовник».

Заключение

Обобщим сказанное выше. Намеченное исследователями первой половины XX в. изменение смыслового и эстетического «центра тяжести» романа стало продуктивной тенденцией для русской прозы XX в. Так, организация повествования на основе ассоциативного сцепления образов восприятия была характерна для творческой практики русских писателей-

неореалистов. Анализ художественного материала романов Михаила Шишкина подтверждает нашу мысль о том, что указанная тенденция сохраняется и в современной русской литературе, а также косвенно подтверждает факт преемственности и усвоения опыта модернистов начала XX в. современными писателями. Кроме того, нами показано, что за стилистическими и повествовательными особенностями творчества писателя кроется мировоззренческая система, представление о неразрывном существовании человеческого сознания и природного мира.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абишева У. К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов. М.: Московский университет, 2005. 284 с.
2. Вейдле В. Умирание искусства / сост., авт. послесл. В. М. Толмачёв. М.: Республика, 2001. 447 с.
3. Гинзбург Л. О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Художественная литература, 1976. 448 с.
4. Леденев А. В. Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: SCRIPTUM, 2017. С. 131–146.
5. Мальцев Ю. В. Иван Бунин, 1870–1953. М.: Посев, 1994. 432 с.
6. Скотница А. Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: SCRIPTUM, 2017. С. 65–88.
7. Солнцева Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: *Жизнеописание*. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.
8. Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / вступ. ст. Г. М. Фридлендера; сост. В. Е. Багно. М.: Искусство, 1991. 588 с.

REFERENCES

1. Abisheva U. K. *Neorealizm v russkoi literature 1900–1910-kh godov* [Neorealism in Russian literature of the 1900–1910s.]. Moscow, Moscow University Publ., 2005. 284 p.
2. Weidle W. *The Dying of Art* (Rus. ed.: Tolmachyov V. M., comp. *Umiranie iskusstva*. Moscow, Respublika Publ., 2001. 447 p.).
3. Ginzburg L. *O psikhologicheskoi proze* [About Psychological Prose]. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 448 p.
4. Ledenev A. V. [Sensory Reactivity as a Property of Mikhail Shishkin's Poetics]. In: Skotnickaya A., Svezhy Ya., eds. *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Mihail Shishkin* [Symbolic Names of Modern Russian Literature: Mikhail Shishkin]. Krakov, SCRIPTUM Publ., 2017, pp. 131–146.
5. Mal'tsev Yu. V. *Ivan Bunin, 1870–1953* [Ivan Bunin, 1870–1953]. Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p.
6. Skotnicka A. [Between Loss and Hope. The Book of Books by Mikhail Shishkin]. In: Skotnickaya A., Svezhy Ya., eds. *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Mihail Shishkin* [Symbolic Names of Modern Russian Literature: Mikhail Shishkin]. Krakov, SCRIPTUM Publ., 2017. Krakov: SCRIPTUM, 2017, pp. 65–88.
7. Solntseva N. M. *Ivan Shmelyov. Zhizn' i tvorchestvo: Zhizneopisanie* [Ivan Shmelev. Life and Work: Biography]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 512 p.
8. Ortega y Gasset J. *The Aesthetic. Philosophy of Culture. Dehumanization of Art. What is Philosophy?* (Rus. ed.: Bagno V. E., comp. *Estetika. Filosofiya kul'tury*. Moscow, Iskustvo Publ., 1991. 588 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельев Глеб Андреевич – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: gleban.savelev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gleb A. Savelyev – Postgraduate student, Department of Russian Literature of 20th Century, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: gleban.savelev@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Савельев Г. А. Восприятие как повествовательная категория в романах М. П. Шишкина «Записки Ларионова» и «Письмовник» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 108–115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-108-115

FOR CITATION

Savelyev G. A. Perception as a Narrative Category in Mikhail Shishkin's *Larionov's Reminiscences* and *Pismovnik*. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 108–115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-108-115